

**XX НАУЧНАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ
ПО ИСТОРИОГРАФИИ
И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ
ИСТОРИИ СТРАН АЗИИ
И АФРИКИ**

Тезисы докладов

Санкт-Петербург
2000

Санкт-Петербургский государственный университет

**XX НАУЧНАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ
ПО ИСТОРИОГРАФИИ
И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ
ИСТОРИИ СТРАН АЗИИ
И АФРИКИ**

6–7 апреля 1999 г.

Тезисы докладов

Конференция посвящена 275-летию со дня основания
Санкт-Петербургского государственного университета

Издательство Санкт-Петербургского университета
2000

Редакционная коллегия:
проф. Н.Н.Дьяков
проф. А.А.Жуков
проф. Б.Н.Мельниченко (председатель)

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
С.-Петербургского государственного университета*

На XX научной конференции по историографии и источниковедению истории стран Азии и Африки (первая состоялась в 1961 г.) были представлены 89 докладов и сообщений. В работе конференции участвовали ученые многих вузов и научно-исследовательских учреждений Санкт-Петербурга, Москвы, Петрозаводска, Казани, Пскова, Владивостока и других востоковедных центров.

© Издательство
С.-Петербургского
университета, 2000

© Авторы публикаций, 2000

ПОЛЕВОЙ ДНЕВНИК КАК ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

1. Общеизвестно, что ведение полевого дневника есть, как правило, непреложная практика любой экспедиционной, исследовательской работы в процессе пребывания в изучаемой среде. Тем не менее, полагаю, что и полезно «и необходимо осмыслить в более или менее отвлеченном виде концептуальные и в какой-то степени процедурные стороны этого искусственно конструируемого источника, выступающего особым жанром письменного творчества». Его принципиальным отличием от жанра путевых заметок — «путешествий» — выступает исследовательская, концептуальная направленность. В отличие от бытовых впечатлений, она фиксируется на круге научных, теоретически выраженных проблем, моделей, конструкций.

2. Любое взаимодействие со средой, особенно чуждой культуры, есть рефлекслирующая деятельность. Она подразумевает, в частности, большую или меньшую протяженность эксплицирующих рядов умонастроения констатации. В полевом дневнике они, вольно или невольно, — конструируют проблему, стоящую перед исследователем в поле, в среде исследуемой культуры. Это тем более предопределено, что сам исследователь максимально ориентирован в эмоциональном и рациональном планах на впитывание информации по заданному «проблемному коридору».

3. Познающие формы взаимодействия непременно присутствуют и на бытовом уровне поведения, будучи особенно выражены и напряжены в малоизвестной природной и культурной среде. Но в том, что касается научного, исследовательского поведения и отражения, в них имеется еще одна дополнительная сторона — ориентированность на передачу, на превращение в общественное достояние лично приобретенного опыта, который выступает в форме рациональных построений, а также эмоциональных и образных потоков или отдельных ориентиров.

4. Можно утверждать, что полевой дневник имеет вполне определенную цель — служить документальным основанием для реконструкции целостного контекста исследуемой среды на момент пребывания в ней исследователя. Однако возможности этой целостной реконструкции во многом зависят и от широты интересов исследователя, количества учитываемых параметров исследуемой им реальности, качественного показателя оперирования

Рейш впервые в жизни посетил Палестину и соседние с нею области. Его пленила эта страна, знакомая ему с раннего детства по библейским текстам. Он словно вернулся в зрелости к самому глубокому увлечению своих юных дней — книгам «Ветхого Завета» и философии Моисея.

Текст «Библии» лютеранский пастор и доктор теологии Рейш знал досконально — он начал преподавать «Ветхий Завет» еще в Тарту в 1918 г., а позднее посвятил ему не одну сотню проповедей. Рукопись книги «И пускай говорят камни» насыщена библейскими текстами, неизменно глубоко осознанными и интересно, свежо интерпретированными. Не менее замечательно известна автору и использована в рукописи обширная богословская литература по этим темам, позволяющая судить о профессиональной эрудиции доктора Рейша.

Однако «И пускай говорят камни» — книга не богословская, по меньшей мере, не только богословская. Поездка в Палестину имела особое значение для Рейша еще и потому, что он столкнулся здесь с богатейшими археологическими материалами, дающими материальную источниковую базу многочисленным пассажам «Ветхого Завета». Этот археологический материал обильно используется в рукописи. Помимо «Библии», теологических трактатов и данных археологии в тексте широко использованы подлинные арамейские и древнееврейские тексты, египетские иероглифические надписи и клинопись Междуречья.

Будучи автором нескольких широко известных исторических исследований, Рейш ко времени написания «И пускай говорят камни» обладал немалым опытом историка, поэтому вызывает большое уважение как сочетание и умелое использование в книге материалов совершенно разноплановых, так и преломление их в новом философско-гуманистическом свете. Думается, что несмотря на значительный временной разрыв, книга остается актуальной для российского читателя, поскольку при наличии обширного списка отечественной литературы по истории и археологии Палестины и сопредельных областей, обращает на себя внимание полное или почти полное отсутствие в нем богословской литературы. Разумеется, за этим фактом стоит череда причин объективного свойства. Рукопись же Рейша подкупает широтой исторической, лингвистической и богословской эрудиции, глубиной осмысления использованных материалов и их оценки.

Рукопись содержит 112 страниц плотной машинописи на английском языке и практически не имеет справочного аппарата. В

случае дальнейшей публикации рукописи у нас в России необходимо не только ее перевод, но и тщательное изучение ее источниковой базы, обеспечение необходимыми ссылками и научным комментарием. Это большая и серьезная работа, однако некоторые другие материалы личного архива Рейша (университетские лекции, черновики и списки литературы) позволяют считать ее выполнение реальным.

Масштаб личности Рейша, его биография и научное наследие также оправдывают интерес к его неопубликованной рукописи, даже несмотря на то, что прошло немало лет со дня завершения работы. Ни в России, ни на русском языке исследования Рейша никогда не издавались. Вместе с тем сам Рейш, будучи выходцем из России, до последних своих дней не переставал считать себя русским казаком, а своей родиной — российское Предкавказье. Его исследования известны в мире, его именем назван кратер горы Килиманджаро в Африке, а американский колледж Густава-Адольфа хранит как реликвию его личный архив.

А.В.Филиппов

СПЕЦИФИКА ПРОВЕДЕНИЯ РЕФОРМ В ЯПОНИИ: ЦЕЛИ, ПРЕДПОСЫЛКИ И ФОРМЫ (на примере «Трех больших реформ эпохи Эдо» и реформ эпохи Мэйдзи)

Предметом рассмотрения являются реформы XVIII–середины XIX в. (годов Кёхо, Кансэй и Тэмпо, так называемые «три больших реформы эпохи Эдо» (Эдо-дзидай сандай-кайкаку), далее по тексту — «три реформы») и второй половины XIX в. (реформы годов Мэйдзи). Задачей данного экскурса не является подробный анализ их конкретного содержания. Речь пойдет о наличии ряда характерных особенностей, присущих, по мнению автора, именно Японии и обусловленных спецификой исторического развития общества.

Обе рассматриваемые эпохи при всем своем бросающемся в глаза различии невероятно насыщены реформами. Видимо, уместно начать разговор с рассмотрения их предпосылок. Для «трех реформ» — это наличие острейших противоречий между уровнем развития общества и существующими формами его ор-

ганизации. Для времен Мэйдзи — возникшая в связи с «открытием страны» реальная угроза неконтролируемого влияния Запада, т.е. и в том и в другом случае имела место крайне запущенная ситуация. Из-за постоянной тяги к сохранению традиционной организации общества время для планомерных — «мягких» — преобразований было упущено. Соответственно требовались кардинальные изменения практически во всех сферах — экономической, социальной и политической.

Если касаться **целей реформ**, для эпохи Эдо — это необходимость ликвидации вышеуказанных противоречий. И здесь уже имеет место специфика — не попытка изменения существующей системы, а укрепление существующего строя, структур власти при регулировании и регламентации их связей с новыми явлениями и формами в жизни общества. Особо следует отметить, что лозунгом для всех «трех реформ» — был «возврат к старине», к временам начала династии (довольно типичный для Японии случай, когда переход к новому опирается на традиционное). На первый взгляд диаметрально противоположной выглядит цель реформ времен Мэйдзи — «модернизация». Реально же потребность в этом была вызвана необходимостью скорейшего усиления страны с целью сохранения независимости Японии. Таким образом, опять же возникает типично японский вопрос о «традициях», стремлении «не потерять лицо».

Не лишне вспомнить, что декларированной политической целью было восстановление непосредственного правления императора вместо установления, скажем, республиканской, президентской формы правления. Конституция 1889 г. оказалась достаточно формальной при чрезмерном значении императора (что ощущалось и в ограниченности движения дзююминкэн-ундо).

Специфика проведения рассматриваемых реформ наиболее наглядно прослеживается при рассмотрении **форм** их реализации, которые, невзирая на различия эпох, в общем-то едины.

1. Итоговое оформление всех преобразований выглядело как **«реформы сверху»**. Для политической жизни Японии это вообще характерно. Например, партии никогда не выполняли «функций протеста». Они создавались по воле власти и как инструмент, обращенный против оппозиции, в отличие от «западного варианта», где партия возникает, обычно, как форма протеста против властей (по Д.Стрельцову).

Примеры. При отмене сословий и запрета на выбор профессии и рода деятельности создание на основе части аристократии

прежней — «аристократии новой» *сидзоку*. Конечно, упразднение даже сословия буси — тоже проявление устремления к исконной традиционности, ибо буси, по сути, слой, никак не связанный с древнейшей, исконной японской культурой, скажем, времен Нара и Хэйан. Собственно говоря, и по упразднению сословий определенное значимое место в структурах власти буси сохранили (комплектация полиции почти полностью выходцами из буси; командные посты в зарождающейся японской армии также практически все были заняты буси). Даже не вписывавшийся в новые нормы на определенном этапе как бунтовщик, Сайго Такамори спустя ряд лет был удостоен памятника у входа в парк Уэно.

В целом же любые «реформы сверху» в итоге получали почти молчаливое одобрение «низов»: даже движение дзююминкэн-ундо достаточно чутко и покорно реагировало на решения верхов, и обещания императора открыть парламент оказалось, в общем-то, достаточно для того, чтобы движение начало катиться к закату.

2. Практически во всех случаях реформы проводились с **опорой на традиционные реалии**.

Примеры. Прежде всего это присущие японскому социуму черты группового поведения. Далее — рост роли синто в обществе, в том числе и как идеологии, а, может быть, прежде всего как идеологии; принцип единства синто и государства — сайсэй-итти; в итоге при сочетании с принципом свободы вероисповедания появление «государственного синто» даже не как религии, а как культуры национальной морали и патриотизма.

Всяческое подчеркивание принципа *«вакон-ёсай»* (японский дух — западная техника).

При этом порой и чисто феодальные элементы во многом оказывались весьма живучи, видимо, тоже как часть традиционного. Так, новые помещики, будучи противниками крупного феодального землевладения, оказывались поборниками полуфеодальных форм эксплуатации. В значительной мере «феодальный» национализм оказался основой для укрепления шовинизма и тоталитаризма.

Таким образом, сделана попытка связать воедино и объяснить практически единой исходной мотивацией нечто диаметрально противоположное. Речь идет о наличии общего и однородного при проведении реформационных преобразований, как регрессивных, так и прогрессивных, уже по своему изначальному замыслу. «Три реформы» были призывом возвратиться к «золо-

тому веку» времен начала династии Токугава; самые же разнообразные реформы эпохи Мэйдзи, — во всяком случае, внешне, во многом были стремлением как можно быстрее догнать Запад. Представляется возможным утверждать, что как те, так и другие реформы проводились ради сохранения основ социума, во имя поддержания традиций. При таком подходе к вопросу можно говорить, что и вся в целом «модернизация жизни» во времена Мэйдзи состояла, прежде всего, в активнейшем формировании (как по необходимости, так и из искреннего стремления) нового общества ради сохранения базовой сущности его устоев. Это был призыв к эволюции ради опять же возврата к «золотому веку», но на качественно новом уровне, причем в данном случае речь шла о ценностях куда более древних (не о XVII веке). Скорее здесь имела значение традиционность как таковая, подчеркивалось значение «корпоративного» социума, корпорациосоциума для Японии.

Восприятие «западного» — это, конечно, инновация, но и с оборотной стороны. Лучше пожертвовать малым и найти возможность компромисса, не уступив при этом в главном: сохранив национальные традиции, специфику — своего рода средство для усиления влияния страны в новом, изменившемся мире.

Н.В.Хомутишникова

ОБЗОР I ГЛАВЫ «АБХИСАМАЙАЛАНКАРЫ»

«Абхисамайаланкара» (abhisamayalamkara), «Украшение из постижений», является одним из важнейших доктринальных текстов буддизма махаяны. Он представляет собой написанный в стихотворной форме краткий комментарий (на сутры Праджняпарамиты и раскрывает их скрытый смысл — учение о пути. Согласно буддийской традиции составителем текста «Абхисамайаланкары» является святой Асанга, который получил его от Будды Майтрейи. «Абхисамайаланкара» с санскрита переводится как «Украшение из постижений (в виде постижений)». Постигание (abhisamaya), прямое полное постижение и Праджняпарамита (совершенство мудрости) — слова одного смысла. Украшение (alamkara) понимается трояко: 1) украшение по природе, само по себе украшение (это весь корпус текстов Праджняпарамиты, имеющих глубокое содержание), 2) предметное украшение (это 8

главных предметов и семьдесят тем, с помощью которых системно представлено содержание Праджняпарамиты в «Абхисамайаланкаре») и 3) украшение как отражение первого со вторым (это комментарии на «Абхисамайаланкару»).

К «Абхисамайаланкаре» известен двадцать один комментарий, написанный на санскрите (12 из них проводят соответствие с сутрами Праджняпарамиты, а 9 — не проводят). Традиционно наилучшими считаются комментарии святого Вимуктасены и Харибхадры. Все тибетские комментаторы обращаются к последнему как своему главному источнику. Среди тибетских комментаторов выделяются комментарии Цонкхавы и его учеников. Исследованием «Абхисамайаланкары» занимались многие востоковеды, в том числе такие выдающиеся русские востоковеды как Ф.И.Щербатской и Е.Е.Обермиллер. Последний опубликовал на английском языке свой анализ первых двух глав и оставил записки к остальным шести. Однако его перевод по современным меркам несколько устарел. К тому же он не использовал некоторые важные комментарии, доступные сейчас.

О структуре «Абхисамайаланкары». Путь достижения состояния Будды описывается с помощью восьми главных предметов, которые излагаются соответственно в восьми главах трактата. В свою очередь главные предметы излагаются с помощью 70 тем. Три первых главы пространно излагают три вида всезнания: знание всех аспектов, присущее только Будде, знание всех путей, присущее как Буддам, так и бодхисаттвам, и знание всего реального, присущее всем святым (Буддам, бодхисаттвам и слушателям с буддами для себя). Для достижения знания всех аспектов необходимо знание всех путей (путей бодхисаттв, слушателей и будд для себя), а для достижения знания всех путей необходимо знание всего реального. Поэтому эти три главных предмета излагаются в таком порядке. Следующие четыре главы пространно излагают четыре типа практики, ведущих к достижению трех видов всезнания: 1) полное постижение всех аспектов трех видов всезнания, 2) постижение вершин, 3) последовательное постижение и 4) одномоментное полное постижение. В последней главе пространно излагается достигаемый с помощью этих практик результат — тело дхармы (dharma-kaya).

Первая глава дает краткую характеристику всех 8 главных предметов и подробно останавливается на первом и ведущем среди них — знании всех аспектов всего познаваемого, всезнании, присущем лишь Буддам. Она является самой объемной

СОДЕРЖАНИЕ

иногда употребляется слово «хуа» «соотечественники». Употребление этого термина несет важную политическую нагрузку, выражающуюся в том, что оно укрепляет сплоченность многонационального вьетнамского государства.

Как в народе, так и в некоторых художественных и публицистических произведениях, написанных вьетнамскими авторами в 20–40-е гг. XX в., получил хождение термин «Тау» для собирательного наименования китайцев вообще. Слово «Тау» очень трудно объяснить. «Тау», может обозначать «морское судно», а «Тау о» — «судно с парусами черного цвета» или «люди на судах в черных рубашках». Как бы то ни было термин «Тау» всегда напомнит вьетнамцам о том, что он имеет отношение к Китаю. Например, «Nguoi Tau» (китайский житель), «Chu Tai» (китайский иероглиф), «Com Tau» (китайское блюдо), «Hang Tau» (китайские товары).

Слово «Ноа Тос» или «хуажи» (хуа этничность) уже употребляется довольно широко как во Вьетнаме, так и в Китае для обозначения «этничности» или «этнуса» хуажень.

Таким образом, слова «Nguoi Ноа» или «хуажень» (этнические китайцы) используются для обозначения лиц, имеющих ханьское происхождение или испытавших ханьскую ассимиляцию, оседло и постоянно проживающих во Вьетнаме, принявших вьетнамское гражданство, но сохранивших основные ценности типично китайской культуры и называющих себя «Nguoi Ноа». Они составляют общину китайских иммигрантов и их потомков, не ассимилировавшихся вообще или ассимилировавшихся частично, находящихся в стадии формирования как этнокультурная общность в составе многонационального вьетнамского государства.

<i>Арсеньев В.Р.</i>	Полевой дневник как этнографический источник	3
<i>Афонина Е.Н.</i>	Некоторые сведения о жизни и деятельности II Панчэн-ламы Лобсан Еше (1163–1737)	6
<i>Базиленко И.В.</i>	Русская историческая песня как источник по истории отношений России с Турцией, Ираном, закавказскими и среднеазиатскими ханствами в XVIII–XIX вв.	8
<i>Богданов И.В.</i>	Замечания к «Текстам проклятий» Старого царства	11
<i>Богословская И.В.</i>	Видовой состав древнеегипетских украшений (реалии и отображения)	14
<i>Воднева О.А.</i>	Сочинение Мухаммада Хайат-хана «Жизнь афганцев» как источник по истории и этнографии Афганистана	16
<i>Врадий С.Ю.</i>	Влияние произведений прогрессивных китайских мыслителей 40-х гг. XIX века на Японию периода Мэйдзи	18
<i>Герасимов И.В.</i>	Суфийские братства в Восточном Судане на начальном этапе махдистского восстания (1883–1884 гг.) (по отчетным документам Османа Абу Бакра Дикны)	21
<i>Гордон А.В.</i>	Постсоциалистическая эволюция китайской деревни в подходах западной историографии	24
<i>Григорьев С.Е.</i>	Современная афганская периодическая печать в Санкт-Петербурге	25
<i>Даушвили Г.Д.</i>	Персидская хроника XVI в. о неизвестной религии долины Алишанга	29
<i>Дешпанде О.П.</i>	Новый взгляд на историю архитектуры Сукотаи XIII–XV веков в монографии Б.Гослинг	32

<i>Немировская А.В.</i>	Кумранский Апокриф кн.Бытия XXII, 31 (1Q GenAp XXII,31)	104
<i>Оленев Д.В.</i>	К построению понятия шастры	106
<i>Орлов В.В.</i>	Марокканские дневники Яна Потоцкого (1791): источник и его автор	109
<i>Павлова И.К.</i>	Первый российский исследователь Кавказа	112
<i>Панченко К.А.</i>	Источники летописи Агапия Манбиджского по VII–VIII вв.	114
<i>Пелевин М.С.</i>	Об источниках по истории движения <i>рошаниййа</i>	116
<i>Пелевин М.С.</i>	Паштунский источник по истории моголо-афганской войны 1672–1676 гг.	118
<i>Попов А.В.</i>	О принципах цинской демографической статистики в Северной Монголии (XVIII–XIX вв.)	121
<i>Попов В.А.</i>	Этногенез и этническая история аканов в доколониальную эпоху: историография проблемы	125
<i>Пострелова Т.А.</i>	Образ Сунь Ятсена в китайском искусстве ваяния	126
<i>Прорубщикова Ю.Н.</i>	Обзор сведений о Древнем Египте у средневековых арабских авторов	128
<i>Решетов А.М.</i>	Серия «Русские в Австралии» как источник для изучения русской общины в Китае	130
<i>Рыбков Д.А.</i>	«Сборник законов автономной Монголии» как источник по истории ее административной системы	132
<i>Салтанова В.В.</i>	Первоисточники доктрины о пророках и пророчестве на основании поздне-апокрифического Евангелия от Варнавы	136
<i>Самойлов Н.А.</i>	Образ Китая в России: историография вопроса и методология изучения	139
<i>Синецкая Э.С.</i>	О статусе женщины в КНР	144

<i>Сипенкова Т.М.</i>	Поздняя арабская рукопись по истории Кавказа	146
<i>Соболева Е.С.</i>	Индо-португальское искусство XV–XVII вв. в музейных каталогах 1990-х гг.	148
<i>Султанов Т.И.</i>	Заказчики исторических книг и воля заказчика (по материалам персидских и тюркских сочинений)	153
<i>Таксами Н.Ч.</i>	М.Ватанабе — исследователь жизни и творчества Л.И.Мечникова	155
<i>Тюнь Г.Т.</i>	Неизвестная рукопись Ричарда Рейша	157
<i>Филиппов А.В.</i>	Специфика проведения реформ в Японии: цели, предпосылки и формы (на примере «Трех больших реформ эпохи Эдо» и реформ эпохи Мэйдзи)	159
<i>Хомутинникова Н.В.</i>	Обзор I главы «Абхисамайаланкары»	162
<i>Цыремпилов Н.В.</i>	О монгольских переводах литературы традиций красношачни-ков	166
<i>Чан Хань</i>	Термины и понятия об этнических китайцах во Вьетнаме во вьетнамской историографии	167

Научное издание

XX НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ПО ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ
ИСТОРИИ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

6–7 апреля 1999 года
Тезисы докладов

Зав.редакцией *Г.Чердниченко*
Редактор *Н.Михайлова*
Компьютерная верстка *Ю.Прорубщиковой*

Лицензия ЛР № 040050 от 15.08.96
Подписано в печать с оригинала-макета 22.07.2000.
Ф-т 60 х 84/16. Печать офсетная. Усл.печ.л. 10,23.
Уч.-изд.л. 9,29. Тираж 100 экз. Заказ № *449*.

РОПИ Издательства С.-Петербургского университета.
199034, С.-Петербург, Университетская наб., 7/9.

ЦОП типографии Издательства СПбГУ.
199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 6.